

УДК 738(32)

Египетское влияние
на форму и декор мероитской керамики
(по материалам раскопок в Абу Эртейле, Судан)

Светлана Е. Малых

*Институт востоковедения Российской академии наук,
Москва, Россия, malyh2002@mail.ru*

Аннотация. В статье на основе керамического материала, обнаруженного совместной российско-итальянской археологической экспедицией в ходе изучения храмово-административного комплекса I–III вв. н. э. в Абу Эртейле (Судан), анализируется степень влияния египетских гончарных традиций на мероитскую керамику, прослеживаются возможности заимствования форм сосудов, а также декора, имеющего как эстетическое, так и в большей степени символическое значение. Учитывая, что в Мероитский период в гончарном деле существовало несколько керамических традиций (местная нубийская, египетская, а также эллинистическая), высказываются предположения о путях, методах и причинах заимствования типов египетской ремесленной продукции в Мероитском царстве.

Ключевые слова: древний Судан, царство Мероэ, Абу Эртейла, мероитская керамика, древнее гончарство

Для цитирования: Малых С.Е. Египетское влияние на форму и декор мероитской керамики (по материалам раскопок в Абу Эртейле, Судан) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 1. С. 28–38

Egyptian influence
on the shape and decoration of Meroitic ceramics
(based on the materials from excavations in Abu Erteila, Sudan)

Svetlana E. Malykh

*Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, malyh2002@mail.ru*

Abstract: In this article the degree of influence of Egyptian pottery traditions on Meroitic ceramics is analyzed on the basis of the ceramic material discovered by the joint Italian-Russian archaeological mission in its investigation of the temple and administrative complex of centuries I–III AD in Abu Erteila

© Малых С.Е., 2019

(Sudan). The possibility is raised that both the forms of the vessels and their decoration were borrowed, carrying both aesthetic and symbolic significance. Considering the existence in the Meroitic Period of several ceramic traditions in pottery (local Nubian, Egyptian, and Hellenistic), suggestions are made about the ways, methods and reasons why types of Egyptian craft products were borrowed in the Meroitic Kingdom.

Keywords: ancient Sudan, Kingdom of Meroe, Abu Erteila, Meroitic pottery

For citation: Malykh SE. Egyptian influence on the shape and decoration of Meroitic ceramics (based on the materials from excavations in Abu Erteila, Sudan). *RSUH / RGGU Bulletin. "Literary criticism. Linguistics. Cultural Studies" Series.* 2019;1:28-38

Введение

Цивилизация Напаты и Мероэ, открытие которой произошло еще в первой половине XIX в., а планомерное изучение началось в начале XX в., развивалась на территории современного Судана с VIII в. до н. э. до середины IV в. н. э., являясь южным соседом развитой древнеегипетской цивилизации. Расцвет Мероэ пришелся на I в. до н. э. – I в. н. э., что синхронно периоду правления династии Птолемеев и раннему Римскому времени в Египте. Исторически сложилось, что области к югу от Египта, называвшиеся Нубия, Куш, а затем Мероэ (в последнем случае по новой столице царства), испытывали колоссальное влияние древнеегипетской цивилизации во всех областях жизни – от политического и социального устройства, письменности и языка до религии, материальной и художественной культуры, что было обусловлено, с одной стороны, более медленным развитием нубийского общества и государства по сравнению с северным соседом, а с другой стороны, наличием природных ресурсов, остро необходимых египтянам.

Большинство исследователей, занимавшихся изучением памятников Нубии, Напаты и Мероэ в первой половине XX в., работали и в Египте, что способствовало вычленению египетских черт в древнесуданской культуре, но также инициировало господство в мировой историографии точки зрения, что египетская экспансия привела к египтизации Нубии и практически полному уничтожению самобытных черт древнесуданской цивилизации [1 с. 8]. Однако исследования второй половины XX и начала XXI в. показывают, что это не совсем верно. Новые данные, позволяющие оценить степень египетского влияния на мероитскую материальную культуру

туру, и в частности на керамику, получены в ходе работ совместной российско-итальянской археологической экспедиции [Институт востоковедения РАН – L'Istituto italiano per il Medio ed Estremo Oriente (IsMEO)] в местечке Абу Эртейла (около 200 км к северу от Хартума, столицы африканского государства Судан).

Особенности египетского влияния на мероитскую керамику

Мероитскую керамику Абу Эртейлы можно разделить на две группы по способу изготовления – на лепную и круговую. Лепная группа не демонстрирует разнообразия форм и в основном представлена круглодонными чашами и мешкообразными и шарообразными кувшинами, морфологические прототипы которых известны еще в нубийской керамике III–II тыс. до н. э. [2 с. 113–125, 3 с. 389–390]. Эта утварь, производимая в домашних хозяйствах, показывает устойчивость форм и традиционализм, не подвергшийся египетскому влиянию.

Иначе дело обстоит с категорией круговой керамики, изготавливавшейся в специализированных ремесленных мастерских. Судя по гончарным меткам, в мероитское время функционирование большинства из них, по-видимому, было связано с дворцовыми и храмовыми хозяйствами [4 с. 114–115, 136; 5 с. 155–156]. Ассортимент сосудов Абу Эртейлы демонстрирует многообразие, и в нем можно выделить три гончарных традиции – нубийскую, египетскую и эллинистическую. Для первой характерно воспроизведение на гончарном круге форм, имеющих лепные прототипы, что лучше всего заметно у круговых круглодонных чаш (рис. 1.1) и шарообразных кувшинов.

Очевидным примером египетского влияния на нубийскую керамику являются колонновидные и трубковидные подставки (рис. 2.1). Такая форма появилась в Египте еще на рубеже IV и III тыс. до н. э. [6 с. 62, 108–109], однако на территории Нубии она возникает лишь во второй половине II тыс. до н. э. [3 с. 387–388, рис. 2], что логично связать с присоединением данного региона к Египту фараонами XVIII династии и насаждением в Нубии египетского управления, религиозных культов и возведением храмов, посвященных египетским богам. Последнее особенно важно, так как подобные подставки являлись не бытовой утварью, а храмовой: на них помещались чаши и подносы с воскурениями или жертвенными дарами, что нашло отражение и в храмовых рельефах, где мы видим изображение сидящего божества, перед которым стоят та-

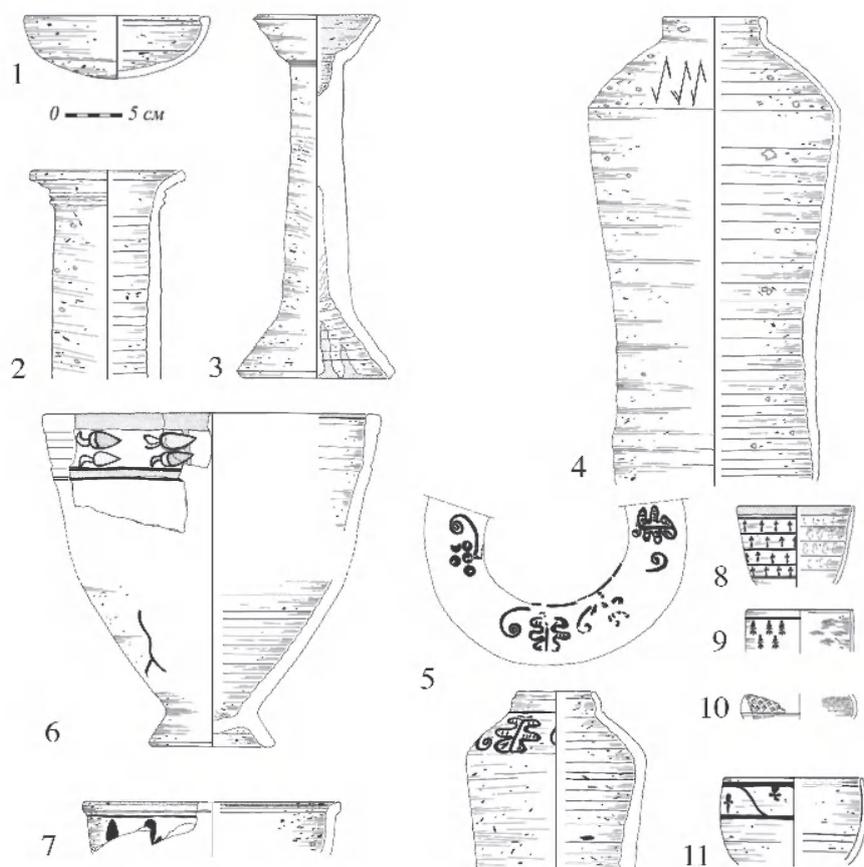

Рис. 1. Меровитская керамика из Абу Эртейлы (рис. автора)

кие подставки с чашами или подносами с подношениями. Форма таких подставок слабо эволюционировала и в Египте, и в Нубии [7 с. 35–36, 61, рис. 74 (29–30), 192f; 8 с. 220, рис. 63; 9 с. 120–121] и мало изменилась в Мероитскую эпоху, как мы видим по предметам, обнаруженным в храмовом комплексе Абу Эртейлы (рис. 1.2–1.3). В целом логично, что жители Нубии, восприняв письменность, культуру и религию Египта, для храмовых ритуалов стали использовать и египтизированный инвентарь.

Весьма показательно, что и в бытовой сфере жизни мероитов мы можем наблюдать аналогичный процесс. Так, для памятников Мероитского времени характерно присутствие крупных кувшинов

цилиндрической формы, сделанных на гончарном круге. В помещениях зданий храмового комплекса Абу Эртейлы обнаружено множество фрагментов от таких сосудов (рис. 1.4–1.5), относящихся ко II–III вв. н. э., т. е. к позднему Мероитскому времени. Эти сосуды занимают верхнюю строку в статистических данных по керамике Абу Эртейлы. Они являлись рядовой утварью для хранения жидких и сыпучих продуктов, а также вторично использовались как тара для горящих углей (о чем свидетельствует копоть и остатки золы и углей внутри), т. е. для обогрева помещений [10 с. 727, 733].

Цилиндрические кувшины нетипичны для нубийских поселений и некрополей конца III–II тыс. до н. э., где среди закрытых типов сосудов доминируют шарообразные и мешкообразные сосуды [11 с. 332–335; 2 с. 113–148]. По всей видимости, эта форма, внезапно возникшая в мероитских комплексах, могла быть заимствована извне – скорее всего, как и подставки, из Египта.

Действительно, в корпусе керамики Египта имеются формы, которые могли послужить прототипами для мероитских продолговатых сосудов – цилиндрические кувшины с ярко выраженными плечами и удлиненные сосуды (рис. 2.2–2.5), из-за своей формы остроумно называемые в литературе «sausage jars» [7 с. 48–51, рис. 148, 157, 161]. Обе разновидности крупной тары служили для хранения различных продуктов и жидкостей, но также могли содержать остатки от бальзамирования: они были найдены в некрополях запечатанными, а внутри находились свертки льняных бинтов и натрон [12 с. 206–214, рис. 2,5,9].

Как показал Д. Эстон в своем исследовании египетской керамики позднего Нового царства и Третьего Переходного периода, тип цилиндрических сосудов эволюционировал от так называемых «каплевидных сосудов без ручек» поздней XVIII и XIX династий, а тип продолговатых «sausage jars» (рис. 2.3) появился в Египте во время правления XX–XXI династий, т. е. в XII – середине X вв. до н. э. Далее обе формы развивались параллельно, при этом сосуществовая в одних и тех же археологических комплексах, и наибольшее распространение получили при XXV–XXVI династиях (рис. 2.2, 2.4) [7 с. 64 (группа 36), 69 (группа 19), 76 (группы 28, 29)], что синхронно Напатскому периоду истории древнего Судана. Если учесть, что Египет активно контактировал с Нубией в эпоху Нового царства, когда египетские фараоны совершали военные походы на территорию южного соседа, постепенно подчиняя себе его области и строя на нубийских землях свои храмы и крепости, то закономерно, что наряду с культурными и военными инвазиями могло иметь место египетское влияние в сферах ремесла и быта.

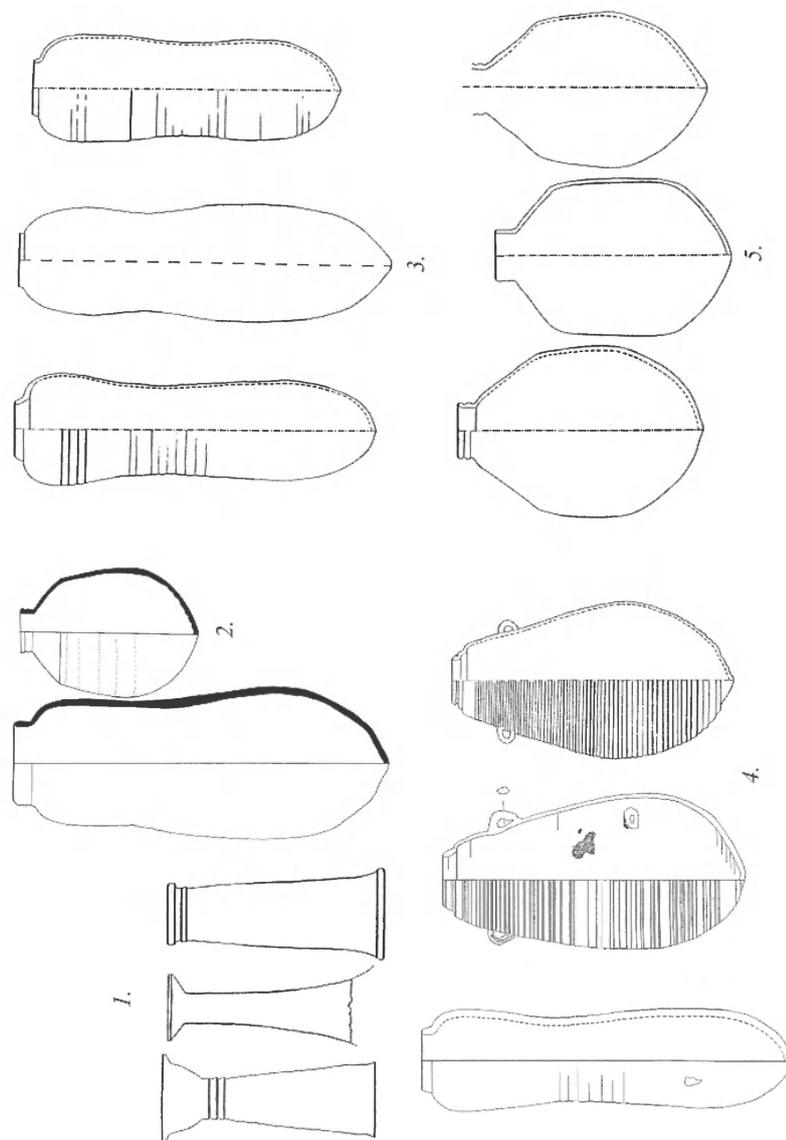

Рис. 2. Египетская керамика Третьего Переходного и Позднего периодов (по: [7 рис. 74 (29–30), 148, 153 (399), 157 (3–4), 192П]) как типологический прототип для пубийской керамики

Этот процесс мог усиливаться при XXV династии, когда уже нубийские правители подчинили себе почти весь Египет и заняли египетский престол. По имеющимся данным, обратного процесса «нубиизации» Египта не произошло, скорее даже наоборот – ставшие самостоятельными нубийские цари восприняли египетскую титулатуру, их рельефные изображения и статуи подчинялись египетским канонам, сооружаемые при них в Нубии храмы имели традиционную египетскую планировку и оформление, а царские гробницы, возводимые рядом с Напатой – нубийской столицей того времени, получили форму пирамиды [9 с. 258]. Понятно, что и ювелирное дело, и ремесленное производство, в частности гончарство, должны были испытывать сильнейшее египетское влияние. Отсюда, как нам представляется, на территории древнего Судана и появились новые формы керамики, которые впоследствии, уже в раннее Мероитское время, развивались своим собственным путем, тогда как египетская керамика второй половины VI–IV вв. до н. э. (т. е. в период Персидского владычества и начала периода эллинизма) испытала огромное влияние со стороны греческих и персидских образцов [13 с. 65; 14 с. 612–616], восприняв многие керамические формы, ранее ей несвойственные.

Впрочем, нельзя не отметить, что эллинистические образцы также оказали влияние и на мероитскую керамику и художественную культуру в целом [9 с. 95–98; 15 с. 144–145, 169, 171], однако эта проблема нуждается в отдельном исследовании.

Отличительной чертой мероитской керамики является ее декор. Для украшения тонкостенных изделий излюбленным было применение серии орнаментов-штампов или сочетания росписи и штампа (рис. 1.8–1.10). Здесь часто использовались геометрические мотивы (ромбы, капли, круги, равноконечные кресты), а также древнеегипетская символика [16 с. 57, рис. 64–65; 17 с. 121–150] – кобры-*уреи* с солнечными дисками на головах, символы жизни *анх*, «узлы Исида», солнечные диски в ладье, священные короны *атеф*, *хену* и *хемхем*. Всем этим знакам мы находим параллели в древнеегипетских храмовых рельефах [15 с. 170]. Однако египтяне не декорировали собственную керамику в подобной манере, для них в принципе не было характерно использование в династическую эпоху серии штампов, тогда как этот художественный прием применялся для украшения нубийской керамики еще с конца неолита, понятно, что в более простых формах выражения, чаще всего в виде гребенчатых оттисков и насечек. Более того, некоторые из знаков в Мероитском царстве видоизменились по сравнению с египетскими прототипами, привнесенными на нубийскую землю, в первую очередь египетскими фараонами-завоевателями XVIII династии

(XVI–XIV вв. до н. э.) Тутмосом III и Аменхотепом II: в Северной Нубии ими были основаны храмы, по архитектуре и рельефному декору в полном соответствии с древнеегипетским канонам храмового строительства и оформления. Именно отсюда нубийцы могли заимствовать многие сюжеты не только для оформления собственных храмов и гробниц, но и предметов декоративно-прикладного искусства, а избавившись от египетского владычества, пошли собственным путем. Так, например, в ходе эволюции древнеегипетский символ жизни *анх* получил заметно расширяющиеся к концам ветви.

Для мероитского расписного декора на керамике характерна тяжеловесность и простота, использование толстых контурных линий. Все это напоминает египетскую манеру росписи стен храмов и гробниц и рисунков на остраконах [18 с. 65, 72, 86, 214, рис. 48, 53, 62, 150, табл. XV, XXIV]. Наряду с этим, встречаются образцы с более изящной росписью, в которой многие специалисты видят эллинистическое и римское влияние на мероитскую культуру [9 с. 82–87], выразившееся не столько в точном копировании античных образцов, сколько в синкретическом сочетании египетских сюжетов и эллинистической художественной манеры.

Заключение

Несмотря на отчетливую связь мероитской художественной культуры в целом и гончарного дела в частности с древнеегипетской культурой, обращение к египетским образцам не было их точным копированием. Меровитские мастера брали египетские формы и символику лишь за основу, переосмысливая ее в пределах местных традиций. Они смогли создать особый стиль керамики, используя не только египетскую базу, но и достижения своих нубийских предков, а также некоторые черты эллинистической и римской культур. Все это привело к сложению самобытного декоративного стиля гончарных изделий и созданию особой узнаваемой группы мероитской керамики, занимающей отдельную нишу в мировой художественной культуре.

Статья выполнена в рамках гранта «Меровитское гончарство: нубийские традиции и египетское влияние» Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 16-01-50044.

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project «Meroitic pottery: Nubian traditions and Egyptian influence», no. 16-01-50044.

Литература

1. Шинни П. Нубийцы. Могущественная цивилизация древней Африки. М.: Центрполиграф, 2004. 205 с.
2. Gratien B. Les pot de cuisson nubiens et les bols décorés de la première moitié du II millénaire avant J.-C. Problèmes d'identification // Cahiers de la Céramique Égyptienne. 2000. Vol. 6. P. 113–148.
3. Mielle L. Nubian traditions on the ceramics found in the Pharaonic town on Sai Island // The Fourth Cataract and Beyond. Proceedings of 12th International Conference for Nubian Studies / Anderson J.R., Welsby D.A. (eds.). Leuven; Paris; Walpole; Peeters, 2014. P. 387–392.
4. Robertson J.H., Hill E.M. The Meroitic Pottery Industry // Meroitica 20. The Capital of Kush. Meroe Excavations 1973–1984 / Shinnie P.L., Anderson J.R. (eds.). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2004. P. 109–212.
5. Малых С.Е. Знаки на мероитской керамике из Абу Эртейлы: проблема интерпретации // Эпиграфика Востока. 2016. Вып. XXXII. С. 143–165.
6. Wodzinska A. A Manual of Egyptian Pottery. Boston: Ancient Egypt Research Associates, Inc., 2009. Vol. 2: Naqada III – Middle Kingdom. 236 p.
7. Aston D.A. Egyptian Pottery of the Late New Kingdom and Third Intermediate Period. Heidelberg: Heidelberger Orientverlag, 1996. 350 p.
8. Fitzenreiter M., Seiler A., Gerullat I. Musawwarat es Sufra II. Die kleine Anlage. Meroitica 17,1. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1999. 240 p.
9. Méroé. Un empire sur le Nil / Baud M. (ed.). Paris: Musée du Louvre Éditions, 2010. 288 p.
10. Wolf P., Nowotnick U., Hof C. The Meroitic urban town of Hamadab in 2010 // The Fourth Cataract and Beyond. Proceedings of 12th International Conference for Nubian Studies / Anderson J.R., Welsby D.A. (eds.). Leuven; Paris; Walpole: Peeters, 2014. P. 719–737.
11. Emberling G., Williams B.B., Ingooldstad M., James T.R. Peripheral vision: identity at the margins of the early kingdom of Kush // The Fourth Cataract and Beyond. Proceedings of 12th International Conference for Nubian Studies / Anderson J.R., Welsby D.A. (eds.). Leuven; Paris; Walpole: Peeters, 2014. P. 329–336.
12. Ikram S., López-Grande M.J. Three Embalming Caches from Dra Abu el-Naga // Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale. 2011. Vol. 111. P. 205–228.
13. Smoláriková K. Abusir VII. Greek Imports in Egypt. Graeco-egyptian relations during the First millennium B.C. Prague: Czech Institute of Egyptology, 2002. 122 p.
14. Marchand S. La transposition céramique dans l'Égypte Ancienne // Under the Potter's Tree. Studies on Ancient Egypt Presented to Janine Bourriau on the Occasion of her 70th Birthday / Aston D., Bader B., Gallorini C., Nicholson P., Buckingham S. (eds.). Leuven; Paris; Walpole: Peeters, 2011. P. 603–631.
15. Adams W.Y. An Introductory Classification of Meroitic Pottery // Kush. 1964. Vol. XII. P. 126–173.
16. Hofmann H., Tomandl H. Unbekanntes Meroe. Beiträge zur Sudanforschung. Beiheft 1. Wien; Modling: Citypress, 1986. 180 p.
17. Zach M. Die Gestempelte Meroitische Keramik // Beiträge zur Sudanforschung. 1988. Heft 3. S. 121–150.
18. Houlihan P.F. The Animal World of the Pharaohs. Cairo: American University in Cairo Press, 1995. 245 p.

References

1. Shinnie P. The Nubians. Mighty civilization of ancient Africa. Moscow: Tzentrpoligraf Publ.; 2004. 205 p. (In Russ.)
2. Gratién B. Les pot de cuisson nubiens et les bols décorés de la première moitié du II millénaire avant J.-C. Problèmes d'identification. *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. 2000;6:113-48.
3. Mielle L. Nubian traditions on the ceramics found in the Pharaonic town on Sai Island. Anderson J.R., Welsby D.A., eds. *The Fourth Cataract and Beyond. Proceedings of 12th International Conference for Nubian Studies*. Leuven; Paris; Walpole; Peeters, 2014. P. 387-92.
4. Robertson J.H., Hill E.M. The Meroitic Pottery Industry. Shinnie P.L., Anderson J.R., eds. *Meroitica 20. The Capital of Kush. Meroe Excavations 1973–1984*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2004. P. 109-212.
5. Malykh S.E. Marks on Meroitic pottery from Abu Erteila: the problem of interpretation. *Epigrafika Vostoka*. 2016;32:143-65. (In Russ.)
6. Wodzińska A. A manual of Egyptian Pottery. Boston: Ancient Egypt Research Associates, Inc., 2009. Vol. 2: Naqada III – Middle Kingdom. 236 p.
7. Aston D.A. Egyptian Pottery of the Late New Kingdom and Third Intermediate Period. Heidelberg: Heidelberger Orientverlag, 1996. 350 p.
8. Fitzenreiter M., Seiler A., Gerullat I. Musawwarat es Sufra II. Die kleine Anlage. *Meroitica 17,1*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1999. 240 p.
9. Baud M., ed. Méroé. Un empire sur le Nil. Paris: Musée du Louvre Éditions, 2010. 288 p.
10. Wolf P., Nowotnick U., Hof C. The Meroitic urban town of Hamadab in 2010. Anderson J.R., Welsby D.A., eds. *The Fourth Cataract and Beyond. Proceedings of 12th International Conference for Nubian Studies*. Leuven; Paris; Walpole; Peeters, 2014. P. 719–737.
11. Emberling G., Williams B.B., Ingvoldstad M., James T.R. Peripheral vision: identity at the margins of the early kingdom of Kush. Anderson J.R., Welsby D.A., eds. *The Fourth Cataract and Beyond. Proceedings of 12th International Conference for Nubian Studies*. Leuven; Paris; Walpole; Peeters, 2014. P. 329–336.
12. Ikram S., López-Grande M.J. Three Embalming Caches from Dra Abu el-Naga. *Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale*. 2011;111:205-28.
13. Smoláriková K. Abusir VII. Greek Imports in Egypt. Graeco-egyptian relations during the First millennium B.C. Prague: Czech Institute of Egyptology, 2002. 122 p.
14. Marchand S. La transposition céramique dans l'Égypte Ancienne. Aston D., Bader B., Gallorini C., Nicholson P., Buckingham S., eds. *Under the Potter's Tree. Studies on Ancient Egypt Presented to Janine Bourriau on the Occasion of her 70th Birthday*. Leuven; Paris; Walpole; Peeters, 2011. P. 603–631.
15. Adams W.Y. An Introductory Classification of Meroitic Pottery. *Kush*. 1964;XII: 126-73.
16. Hofmann H., Tomandl H. Unbekanntes Meroe. Beiträge zur Sudanforschung. Beiheft 1. Wien; Modling: Citypress, 1986. 180 p.
17. Zach M. Die Gestempelte Meroitische Keramik. *Beiträge zur Sudanforschung*. 1988;3:121-50.
18. Houlihan P.F. The Animal World of the Pharaohs. Cairo: American University in Cairo Press, 1995. 245 p.

Информация об авторе

Светлана Е. Малых, кандидат исторических наук, ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия; Россия, Москва, 107031, ул. Рождественка, д. 12; malyh2002@mail.ru

Information about the author

Svetlana E. Malykh, PhD in History, Federal Publicly Funded Institution of Science, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 12, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russia; malyh2002@mail.ru